This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

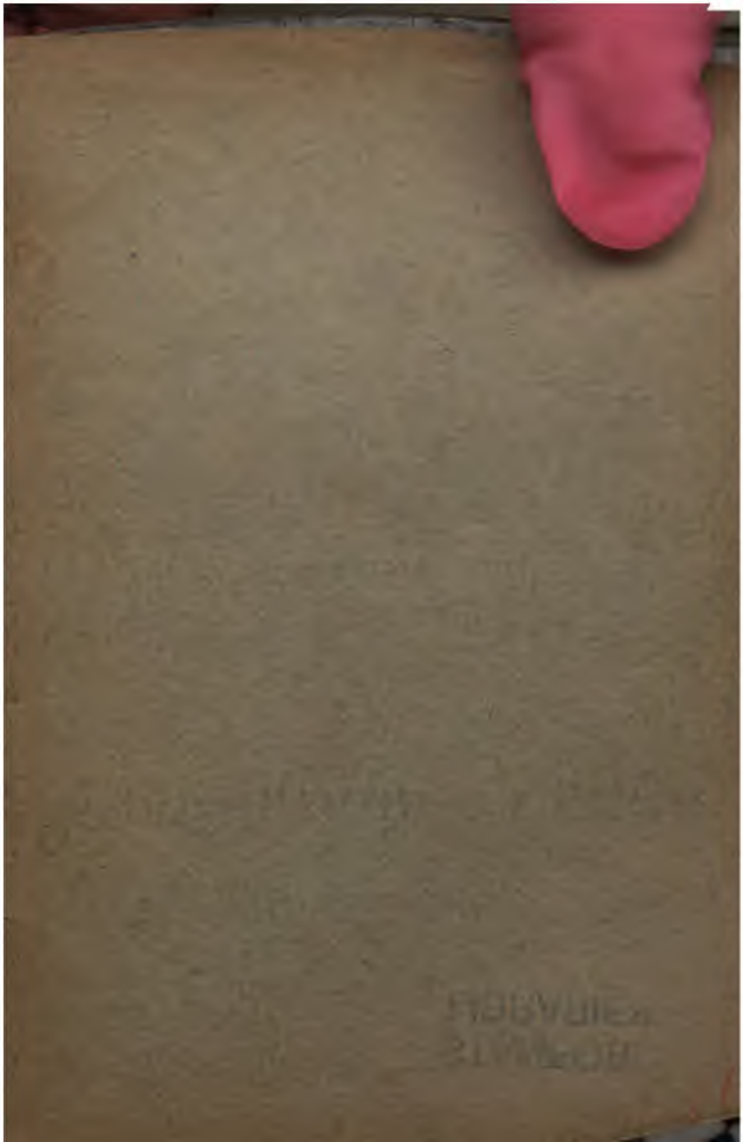
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

-128-
ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
HD5397
V53
Z37
STANFORD
LIBRARIES

Десятилѣтіе
Морозовской стачки.

Изданіе
„Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса".

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза русскихъ соціальдемократовъ".
1897



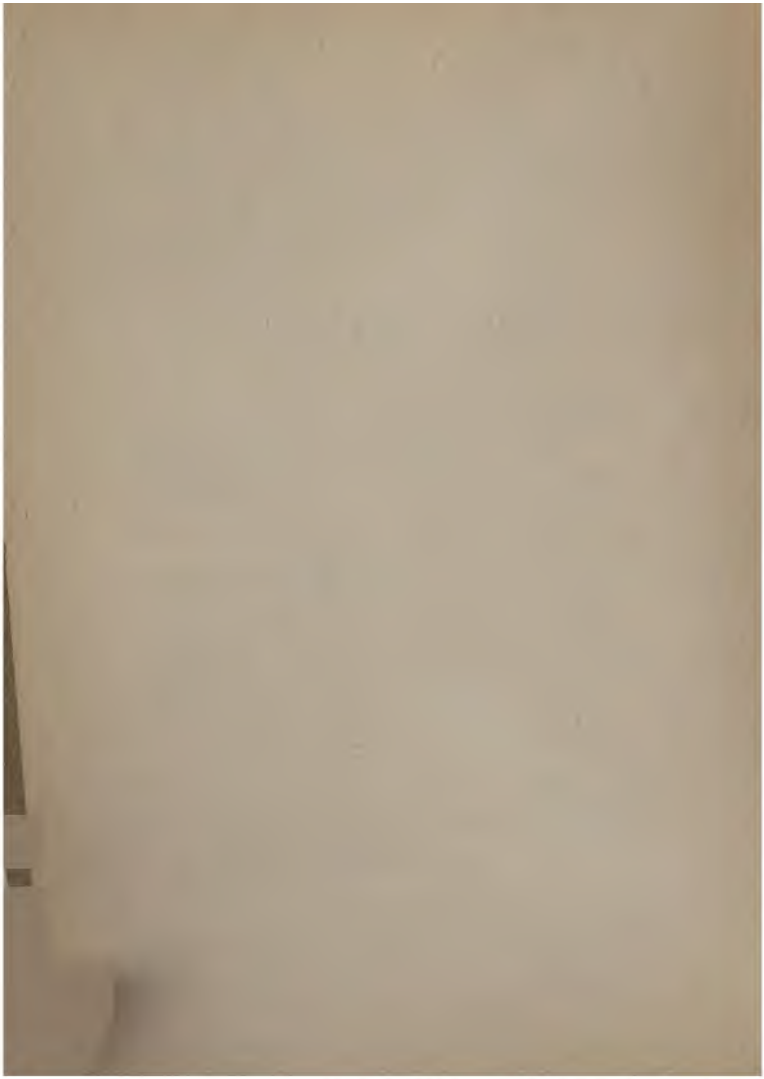
ПОСВЯЩАЕТСЯ

дорогимъ товарищамъ, мужественнымъ борцамъ за рабочее дѣло

Петру Анисимовичу МОСЕЕНКО

и

Василію Сергѣевичу ВОЛКОВУ.



„Борьба есть начало всего“.

Въ маѣ 1896 г. исполнилось десять лѣтъ, какъ судили въ г. Владимірѣ рабочихъ громадной фабрики С. Морозова за бунтъ и стачку. Въ этотъ день имъ сказали присяжные засѣдатели: „Нѣтъ, вы не виновны, а виновенъ вашъ хозяинъ, Тимоѳей Саввичъ Морозовъ, виновны тѣ безчеловѣчные порядки, которые существовали на вашей фабрикѣ“.

Эта стачка имѣла такое громадное значеніе, что каждому рабочему необходимо знать ея исторію; знать, чѣмъ она была вызвана, чѣмъ окончилась и какихъ уступокъ удалось добиться морозовскимъ стачечникамъ. Русскіе рабочіе могутъ съ гордостью оглянуться назадъ, вспоминая дружную и мужественную борьбу своихъ товарищей, съумѣвшихъ добиться удовлетворенія своихъ требованій и оказавшихъ этимъ великую услугу всѣмъ русскимъ рабочимъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Фабрика Саввы Морозова, или точнѣе Тов. Никольской Мануфактуры Саввы Морозова, Сынъ и Компанія, находится въ одной верстѣ отъ станціи Орѣхово, Моск.-Нижегород. ж. д., въ предѣлахъ Владимірской губ. Мѣстность, занимаемая фабрикой Саввы Морозова и другого фабриканта, Викулы

Морозова, называется мѣстечкомъ Никольскимъ, которое только рѣкою Клязьмою отдѣляется отъ громаднаго фабричнаго с. Зуева, уже Московской губерніи. Въ одномъ мѣстечкѣ Никольскомъ въ настоящее время живетъ до 30 тыс. фабричнаго населенія, а вмѣстѣ съ с. Зуевымъ м. Никольское имѣетъ до 50 тыс. человѣкъ. Фабрика Саввы Морозова, имѣвшая въ 1885 г. до 8 тыс. рабочихъ, основана въ 1833 году. Первая стачка на этой фабрикѣ была около 1865 года, а вторая — въ 1871 г., но эта стачка носила мирный характеръ и не имѣла никакого успѣха, такъ какъ въ ней принимало участіе только 400 рабочихъ. Понятно, что Морозовъ не испугался такой сранительно небольшой кучки недовольныхъ. Ему-ли, всемогущему милліонеру, не справиться съ 4 сотнями рабочихъ, голодныхъ бѣдняковъ, когда въ запасѣ у него сколько угодно рабочихъ рукъ. Онъ такъ и сказалъ рабочимъ: „Уходите, на ваше мѣсто найдутся другіе“. Рабочіе получили расчетъ, а затѣмъ голодъ, неумолимый врагъ бѣдняковъ, прогналъ ихъ на работу, и они продолжали работать на прежнихъ основаніяхъ. А условія эти съ каждымъ днемъ ухудшались: отъ 1882 по 1884 годъ плата была сбавлена 5 разъ, а въ 1884 г. заработная плата была понижена сразу на одну четверть или на 25 проц., т. е. рабочій, вмѣсто каждаго рубля, сталъ получать только 75 коп. Но этого было мало Морозову: онъ приказалъ своимъ служащимъ штрафовать рабочихъ какъ можно строже. Каждый годъ Морозовъ собиралъ съ рабочихъ въ видѣ

штрафовъ нѣсколько десятковъ тыс. рублей, и всѣ эти деньги, по прежнему закону, шли въ карманы фабрикантовъ. Въ то время хозяинъ, по закону, имѣлъ право налагать на рабочаго какой-угодно штрафъ, и при томъ, за все, за дѣло и безъ дѣла. Напр., за куреніе штрафовали у Морозова по 3, 4 и даже по 5 руб. За прогульный день вычитали у рабочаго трехъ-дневную плату, да еще 50 коп. „Не вольничай, не смѣй гулять", говорили рабочему, хотя онъ не пришелъ на работу по уважительной причинѣ. Даже во время похоронъ отца или жены рабочій могъ не работать только половину дня, а если пробудетъ дольше, то платитъ безчеловѣчный штрафъ. Выходитъ, что рабочій не смѣетъ предаваться горю, не смѣетъ забывать даже въ самыя горькія минуты жизни, что онъ простая машина для добыванія барышей фабриканту. А фабриканту, конечно, дѣла нѣтъ до того, что человѣку, опустившему въ могилу жену или отца, не тотчасъ пойдетъ на умъ работа, да и домашнія дѣла надо привести въ порядокъ. Даже въ томъ случаѣ, если рабочій гулялъ по винѣ фабриканта (напр., при задержкѣ основъ и т. п.) за прогулъ все таки вычитали. Штрафы назначались въ отсутствіи рабочаго, и товаръ, по мнѣнію браковщиковъ, испорченный, не показывался рабочему, при чемъ, взыскивая штрафъ полностью, контора записывала въ расчетную книжку только $^2/_3$ штрафной суммы. А если у рабочаго набиралось много штрафовъ, и они составляли половину заработка, то на всякій случай, именно, чтобы скрыть без

разные штрафы, книжки уничтожались, а рабочему выдавалась чистая книжка. Плохого рабочаго не расчитывали, а съ удовольствіемъ держали, разъ онъ не спорилъ противъ штрафовъ. Контора фабрики употребляла всякія хитрости, чтобы какънибудь оштрафовать рабочаго, или заплатить ему поменьше. Пустятъ, напр., пошире товаръ, или немного измѣнятъ его, а рабочему говорятъ, что это новый товаръ и назначаютъ новую низкую плату. Самъ Тимоѳей Саввичъ Морозовъ призналъ на судѣ, что онъ ввелъ новый товаръ „молескинъ“, а плату назначилъ такую, что втеченіе двухъ недѣль на этомъ „молескинѣ“ ткачъ зарабатывалъ только 1 р. 25 к., а въ мѣсяцъ съ небольшимъ 2 р. съ полтиной.

Кромѣ низкой платы и штрафовъ, рабочихъ донимали разными вычетами. Надо замѣтить, что въ м. Никольскомъ частныхъ домовъ нѣтъ, а потому рабочіе живутъ въ фабричныхъ каморкахъ. Морозовъ ухитрялся и тутъ поживиться на счетъ рабочихъ: за баню, освѣщеніе каморокъ и уголья вычитали съ каждаго рабочаго по 35 коп. Каждый лишній человѣкъ въ каморкѣ облагался въ пользу Морозова податью въ 35 коп. Родится, скажемъ, у ткачихи ребенокъ, и за него брали подать, такъ какъ, по мнѣнію Морозова, только рабочіе могутъ безплатно пользоваться каморками, а ихъ дѣти — *живи, гдѣ хочешь: они не нужны фабриканту, пока малы!*

Сколько же вычитаетъ Морозовъ съ одного ра*чаго, или вѣрнѣе,* сколько удавалось Морозову

урвать въ свой карманъ изъ заработка рабочаго? А вотъ посмотрите: на судѣ Никифоровъ показалъ, что у него въ мѣсяцъ отнимали по 3 р. и по 3 р. 50 к., а у Маркова даже по 8 р. Бывали иногда случаи, что рабочему ничего не платили: весь его заработокъ уходилъ на штрафъ. Такъ говорятъ рабочіе. Все это постороннему человѣку покажется просто невѣроятнымъ, и онъ можетъ цодумать, что рабочіе нарочно наговорили на Морозова, на самомъ же дѣлѣ ихъ не такъ обижали. Но вотъ имѣется показаніе ткацкаго мастера Шорина, который особенно строго относился къ рабочимъ и штрафовалъ ихъ неимовѣрно. Во время стачки рабочіе сорвали свою злобу прежде всего на Шоринѣ. Все его имущество было до тла уничтожено. Какъ видите, такого человѣка нельзя заподозрить въ большой любви къ рабочимъ, но и этотъ Шоринъ удостовѣрилъ на судѣ, что изъ каждаго заработаннаго рубля вычитали въ пользу Морозова отъ 30 до 50 коп. Судебный слѣдователь Баскаревъ, производившій слѣдствіе по этому дѣлу, предъявилъ на судѣ составленныя имъ таблицы, изъ которыхъ видно, что штрафы на фаб. Морозова съ 1881 г. по 1884 г. возросли болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза, а у отдѣльныхъ рабочихъ [illegible]тали съ каждаго рубля [illegible]5 до 40 к. [illegible]взять [illegible] таб-
[illegible]ост[illegible]кни-
[illegible] за-
[illegible]мом
[illegible]конт

скихъ книгахъ, и разложить на всѣхъ рабочихъ, то окажется, что каждый морозовскій рабочій въ среднемъ платилъ штрафовъ по 25 коп. съ каждаго заработаннаго рубля. Заплатить изъ каждыхъ 12 р 3 р. штрафа или изъ каждыхъ 10 р. 2 р. 50 к. — это чистый грабежъ, а вотъ Тим. Сав. Морозову казалось и этого мало. Ему казалось, что онъ грабитъ меньше, чѣмъ другіе фабриканты, при этомъ онъ указывалъ на Лепешкинскую мануфактуру, гдѣ незадолго передъ тѣмъ была стачка рабочихъ вслѣдствіе того, что фабрика сократила число рабочихъ дней въ недѣлѣ до 4½. Какъ мы видимъ, на Морозовской фабрикѣ четвертая часть заработка отнималась у рабочаго и шла въ карманъ Морозова; такимъ образомъ, выходило, что рабочій, проработавъ 6 дней, получалъ вознагражреніе за 4½, а 1½ дня работалъ совершенно даромъ на Морозова, тогда какъ на Лепешкинской фабрикѣ эти 1½ дня рабочіе были совершенно свободны. Стало быть, Морозовъ сильнѣе пользовался ихъ даровымъ трудомъ, чѣмъ Лепешкинская мануфактура.

Вотъ какіе порядки были на морозовской фабрикѣ въ 1884 г. Понятно, что всѣ рабочіе были страшно озлоблены противъ хозяина; не доставало только искры, чтобы загорѣлось пламя. Въ это время, въ ноябрѣ 1884 года, на морозовскую фаб. поступаетъ ткачъ Петръ Анисимовичъ Мосеенокъ, *вмѣстѣ со своей женой*, Екатериной Сазонтовной, *тоже ткачихой*. Петръ Анисимовичъ, невысокій *бѣлокурый человѣкъ*, съ открытымъ, добродушнымъ

лицомъ, голубыми глазами и задушевнымъ голосомъ, онъ не мало уже пережилъ на своемъ вѣку. За устройство нѣсколькихъ стачекъ среди петербургскихъ рабочихъ, послѣ 17мѣсячнаго предварительнаго заключенія, онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ (т. е. безъ суда) въ Восточную Сибирь на поселеніе, откуда возвратился въ Россію вслѣдствіе Манифеста, изданнаго въ 1883 г. по случаю коронаціи, и вскорѣ поступилъ къ Морозову. Тотчасъ же по поступленіи на фабрику, Мосеенокъ познакомился съ морозовскими порядками и замѣтилъ, что рабочіе, главнымъ образомъ, недовольны вычетами изъ заработной платы. Онъ быстро сошелся со многими рабочими (между прочимъ, съ Василіемъ Сергѣевичемъ Волковымъ) по вечерамъ въ казармахъ собиралъ вокругъ себя рабочихъ, читалъ съ ними книги, много говорилъ о тяжеломъ житьѣ рабочихъ и о средствахъ улучшить свое положеніе; онъ говорилъ товарищамъ, что только путемъ общей забастовки можно заставить Морозова возвысить плату и уничтожить штрафы. Слова Мосеенка, прозваннаго рабочими студентомъ за его обширныя знанія, пали на хорошую почву: рабочіе рѣшились устроить передъ Рождествомъ стачку, но отступили отъ этого плана только потому, что, благодаря стачкѣ, они остались бы безъ денегъ на праздникъ. Рѣшено было устроить стачку послѣ Рождества. Новое совѣщаніе о стачкѣ состоялось 5-го января 1885 года въ селѣ *Зуевѣ, въ ренскомъ погребѣ Коншея, куда, по при-*
глашенію Мосеенка собрались чел. 20 ткачей,

скихъ книгахъ, и разложить на всѣхъ рабочихъ, то окажется, что каждый морозовскій рабочій въ среднемъ платилъ штрафовъ по 25 коп. съ каждаго заработаннаго рубля. Заплатить изъ каждыхъ 12 р 3 р. штрафа или изъ каждыхъ 10 р. 2 р. 50 к. — это чистый грабежъ, а вотъ Тим. Сав. Морозову казалось и этого мало. Ему казалось, что онъ грабитъ меньше, чѣмъ другіе фабриканты, при этомъ онъ указывалъ на Лепешкинскую мануфактуру, гдѣ незадолго передъ тѣмъ была стачка рабочихъ вслѣдствіе того, что фабрика сократила число рабочихъ дней въ недѣлѣ до 4½. Какъ мы видимъ, на Морозовской фабрикѣ четвертая часть заработка отнималась у рабочаго и шла въ карманъ Морозова; такимъ образомъ, выходило, что рабочій, проработавъ 6 дней, получалъ вознагражденіе за 4½, а 1½ дня работалъ совершенно даромъ на Морозова, тогда какъ на Лепешкинской фабрикѣ эти 1½ дня рабочіе были совершенно свободны. Стало быть, Морозовъ сильнѣе пользовался ихъ даровымъ трудомъ, чѣмъ Лепешкинская мануфактура.

Вотъ какіе порядки были на морозовской фабрикѣ въ 1884 г. Понятно, что всѣ рабочіе были страшно озлоблены противъ хозяина; не доставало только искры, чтобы загорѣлось пламя. Въ это время, въ ноябрѣ 1884 года, на морозовскую фаб. поступаетъ ткачъ Петръ Анисимовичъ Мосеенокъ, вмѣстѣ со своей женой, Екатериной Сазонтовной, *тоже ткачихой. Петръ* Анисимовичъ, *невысокій бѣлокурый человѣкъ*, съ открытымъ, добродушнымъ

казалось, что въ этотъ день забастовки не будетъ, такъ какъ все шло по заведенному порядку. Въ 5 час. утра сторожа при казармахъ прошли съ колотушками по корридорамъ, послѣ чего стали изъ казармъ выходить рабочіе, направляясь каждый къ своему корпусу. Тѣ изъ нихъ, которые работали въ ново-ткацкомъ корпусѣ, стали было останавливаться у дверей корпуса, переговариваясь между собой, но поставленные здѣсь торфяники принудили ткачей войти въ корпусъ. Въ шестомъ часу утра показался газъ во всѣхъ фабричныхъ корпусахъ, и работа началась. Въ ново-ткацкомъ корпусѣ, во всѣхъ трехъ этажахъ, ткачи стали у станковъ и также принялись за работу, но это продолжалось недолго. Уже въ исходѣ шестого часа было замѣтно волненіе въ этомъ корпусѣ: рабочіе отходили отъ станковъ, собирались кучками и переговаривались. Ровно въ шесть часовъ утра во второмъ этажѣ ново-ткацкаго корпуса раздались призывные крики: „Бабы, выходите вонъ, гасите газъ, всѣ кончайте работу, сегодня праздникъ!“ Вслѣдъ за этимъ ткачи, перебѣгая изъ второго этажа въ третій, стали гасить газъ, и съ крикомъ „ура!“ толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ вышла на улицу и двинулась по направленію къ сосѣднему прядильному корпусу, гдѣ работа еще продолжалась. Войдя въ прядильный корпусъ, ткачи раздѣлились на четыре партіи и разошлись по четыремъ этажамъ, гдѣ стали завертывать газовые *рожки*. Прядильщики были на сторонѣ ткачей, *потому* тотчасъ же, какъ появились ткачи, во все

торые, сдвинувъ столы, усѣлись кругомъ за четверть водки и стали тихо совѣщаться, при чемъ больше всѣхъ говорилъ Мосеенокъ, а остальные слушали. На этой сходкѣ былъ и Вас. Сергѣевичъ Волковъ. Окончательнаго рѣшенія въ это время не было принято: рабочіе рѣшили собраться на другой день въ трактирѣ „на пескахъ“, при чемъ Мосеенокъ совѣтовалъ собрать побольше народу. Часовъ въ 12 утра 6-го января чел. 50 рабочихъ собралось въ трактирѣ Трофимова, расположенномъ на песчаномъ берегу Клязьмы. На этой сходкѣ больше всего говорили Мосеенокъ и Волковъ. Служащіе въ трактирѣ показывали на судѣ, что Мосеенокъ и Волковъ читали какую-то записку, (это были требованія, котораго рабочіе должны были предъявить къ хозяину) толковали, что трудно жить, что надо что-нибудь устроить, совѣщались и о стачкѣ. На этой сходкѣ было рѣшено: на слѣдующій день на работу не ходить, а собраться всѣмъ у фабричныхъ корпусовъ и оставаться на улицѣ. Но этотъ планъ не удался: въ этотъ же день вечеромъ конторщикъ прядильнаго отдѣленія. Гаранинъ, донесъ директору Діанову, что ткачи собираются бунтовать и что въ селѣ Зуевѣ видѣли человѣкъ 150 раб., которые совѣщались о стачкѣ. Тогда Діановъ распорядился еще съ вечера, чтобы работающіе при фабрикѣ торфяники не расходи-
лись на утро на работы, а оставались въ своихъ
казармахъ. Часу въ пятомъ утра 7-го января тор-
фяники были разставлены около ткацкаго корпуса
для наблюденія за фабричными рабочими. Сначала

болѣе. Сюда же присоединилось нѣсколько сотъ человѣкъ голытьбы, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ „золоторотцевъ“. Волковъ, Мосеенокъ и другіе руководители стачки пытались уговорить рабочихъ не дѣлать никакихъ насилій, но ихъ убѣжденія не подѣйствовали: слишкомъ много горя испытали рабочіе, чтобы сохранить спокойствіе въ то время, когда они представляли изъ себя грозную силу, могущую все разрушить, когда они почувствовали, что могутъ, наконецъ, излить накипѣвшую ненависть, сбросить съ себя тяжкое иго хозяина, заставить дрожать его, всемогущаго милліонера. Въ 11 часовъ утра рабочіе напали на квартиры директора прядильнаго отдѣленія Лотарева и ткацкаго мастера Шорина; все имущество послѣдняго было разбито и уничтожено. Затѣмъ рабочіе проникли во дворъ главной конторы и разгромили фабричную хлѣбопекарню и харчевую лавку. Нападенію подверглись также квартиры другого директора, Діанова и бухгалтера Анофріева; пострадалъ немного и розничный магазинъ, принадлежащій пайщикамъ, которыми были преимущественно служащіе на фабрикѣ, такъ какъ у простыхъ рабочихъ, какъ мы видѣли выше, было слишкомъ мало денегъ, чтобы стать пайщиками въ этомъ магазинѣ. Надо еще имѣть въ виду, что въ нападеніи на розничный магазинъ участвовали, главнымъ образомъ, золоторотцы, какъ это выяснилось на судѣ. Всѣ эти погромы не обошлись и *безъ жертвъ*: шесть человѣкъ было доставлено въ *больницу*, гдѣ одинъ изъ нихъ (Иванъ Захаро

черезъ два дня умеръ. Послѣ этого никакихъ нападеній не было сдѣлано, хотя усиленное движеніе было замѣтно вездѣ вплоть до вечера. Вечеромъ того же дня въ м. Никольское пріѣхали: владимірскій губернаторъ Судіенко съ двумя батальонами солдатъ и разныя власти. Впослѣдствіи, губернаторъ вытребовалъ изъ Москвы еще батальонъ пѣхоты и донской казачій полкъ въ полномъ составѣ. Какъ видите, на защиту Морозова противъ рабочихъ выставили цѣлое войско: полкъ казаковъ и два баталіона пѣхоты.

Утромъ 8-го января, по распоряженію губернатора, были призваны ткачи, изъ которыхъ около ста чел. явилось во дворъ главной конторы. О причинахъ стачки рабочіе сказали губернатору: насъ замучили штрафами, придираются къ каждой штукѣ товара, заработокъ нашъ сдѣлался настолько малъ, что едва хватаетъ на харчи. Послѣ этого рабочіе были отпущены. Въ тотъ же день пріѣхалъ изъ Москвы Тимоѳей Саввичъ Морозовъ, извѣщенный о стачкѣ цѣлымъ рядомъ телеграммъ директора Діанова. Посовѣтовавшись съ губернаторомъ, Морозовъ рѣшилъ сдѣлать рабочимъ уступку, о которой было сообщено имъ посредствомъ письменныхъ объявленій, расклеенныхъ по фабричнымъ зданіямъ. Уступка эта состояла въ слѣдующемъ: взысканія, которыя были сдѣланы съ ткачей, прядильщиковъ и плисорѣзовъ съ 1-го октября 1884 года по 1-ое января 1885 года возвращались рабочимъ, и при томъ всѣмъ имъ дѣлается расчетъ, затѣмъ желающіе могутъ вновь поступить на

условіяхъ, объявленныхъ при наймѣ 1-го октября 1884 г. Въ тотъ день объявленія были сорваны въ знакъ того, что рабочіе не согласны принять ихъ. Условія, обозначенныя въ объявленіяхъ, не удовлетворяли рабочихъ, а напротивъ, еще болѣе возбуждали ихъ. Съ утра 9-го января на фабричныхъ улицахъ появилась масса рабочихъ, которые съ криками „ура!“ проходили по улицамъ въ присутствіи войскъ и властей. Около 11 час. утра рабочіе подошли къ красильному корпусу, гдѣ въ это время только-что начались работы. Хотя забастовщики и были отбиты отъ корпуса подоспѣвшимъ войскомъ, тѣмъ не менѣе они пригрозили красильщикамъ, что уничтожатъ ихъ имущество, если тѣ будутъ продолжать работу. Красильщики испугались этой угрозы и ушли въ казармы. Послѣ этого работы въ красильномъ корпусѣ больше не возобновлялись. Въ этотъ же день, черезъ своихъ уполномоченныхъ, забастовщики заявили губернатору, что они требуютъ: 1) чтобы расцѣнки были установлены тѣ, которыя существовали до Пасхи 1884 года (какъ было уже сказано, тѣ расцѣнки были выше на четвертую часть или на 25 проц.) 2) чтобы штрафъ не превышалъ 5 коп. съ заработаннаго рубля; 3) если хозяинъ хочетъ расчесть кого, то обязанъ выдать расчетъ по Пасху. На свои требованія рабочіе получили отказъ, а 11-го января снова появились объявленія, въ которыхъ подтверждались тѣ условія, о которыхъ Морозовъ объявлялъ рабочимъ 8-го января. — Утромъ 11-г января толпа рабочихъ въ нѣсколько тысячъ

предводительствуемая Волковымъ (наружность Волкова описываютъ такъ: онъ былъ стройный и красивый человѣкъ, съ черными вьющимися волосами и темными, глубокими глазами), у котораго въ рукахъ было красное знамя, двинулась отъ казармъ къ переѣзду желѣзной дороги, чтобы пройти къ фабричнымъ корпусамъ, но здѣсь на переѣздѣ рабочіе были остановлены заранѣе разставленнымъ войскомъ. Въ 10 час. утра къ переѣзду явился губернаторъ со всѣми властями и потребовалъ, чтобы рабочіе или согласились работать на объявленныхъ Морозовымъ условіяхъ, или шли за расчетомъ въ контору, если не хотятъ работать. „Не согласны работать, расчетъ по Пасху!“ отвѣтили рабочіе. Въ это время отъ толпы отдѣлился ткачъ Ѳедоръ Авдѣевичъ Шелухинъ и, какъ уполномоченный отъ рабочихъ, заявилъ губернатору, что никто предложенныхъ фабрикою условій не принимаетъ. Къ Шелухину подошелъ Волковъ и поднялъ руку, чтобы толпа замолчала. Всѣ смолкли. Тогда Василій Сергѣевичъ подтвердилъ сказанное Шелухинымъ и, обратившись къ толпѣ, потребовалъ условія, составленныя рабочими. Ему подали тетрадь, и Волковъ, передавая ее прокурору Окружного Суда Товаркову, потребовалъ, чтобы условія рабочихъ были здѣсь же прочитаны, но вмѣсто этого Волковъ и Шелухинъ были тотчасъ же аре-

стованы. Окруженный войсками, Волковъ крик-

нулъ рабочимъ: „Мы передъ капиталистами гово-

рить не можемъ! Пропадать, такъ пропадать всѣмъ!

за всѣхъ, или всѣ за меня?“ — Товарищи от-

вѣтили: „Всѣ, всѣ!“ Когда повели Волкова и Шелухина, рабочіе двинулись за ними, но въ это время на нихъ налетѣли казаки со своими нагайками и, по распоряженію губернатора, арестовали еще 51 чел. Арестованные подъ конвоемъ были отведены въ помѣщеніе главной конторы, гдѣ всѣ были переписаны, причемъ при опросахъ рабочіе назывались вымышленными именами, а затѣмъ арестованныхъ отправили въ казарму противъ новаго ткацкаго корпуса. Помѣщеніе для арестованныхъ было отведено въ 3-мъ этажѣ этой казармы, гдѣ въ обыкновенное время жила артель мальчиковъ. Весь этажъ состоитъ изъ двухъ громадныхъ комнатъ, которыя соединяются между собою дверью. Прежде чѣмъ помѣстить арестованныхъ въ одну изъ этихъ комнатъ, внутреннюю дверь забили досками, а у выходныхъ дверей, ведущихъ на лѣстницу, былъ поставленъ военный караулъ. Едва арестованные были введены сюда, а караулъ успѣлъ занять свой постъ, какъ изъ смежной комнаты послышались крики вбѣжавшихъ туда рабочихъ, забитая досками дверь была въ нѣсколько минутъ разрушена, и арестованные тотчасъ же выбѣжали черезъ этотъ выходъ. Пока военный караулъ успѣлъ сбѣжать внизъ и позвать себѣ на помощь подкрѣпленіе отъ войскъ, расположенныхъ вблизи этихъ казармъ, большинство арестованныхъ успѣло смѣшаться съ толпой, такъ что изъ 51 челов. снова задержано только 12 чел. Въ этотъ моментъ между карауломъ и рабочими произошла схватка, солдаты пустили въ ходъ приклады и за

штыки, а рабочіе защищались досками и камнями. Конечно, въ этой неравной борьбѣ побѣдили солдаты, послѣ чего арестованные отправлены были въ главную контору, гдѣ содержались уже Волковъ и Шелухинъ. Но рабочіе продолжали волноваться.

Часу во второмъ дня они вызвали губернатора и предъявили ему требованіе объ освобожденіи арестованныхъ, а въ особенности настаивали на освобожденіи „Василія“ (Волкова). Губернаторъ не исполнилъ требованія рабочихъ. Послѣдніе стали расходиться, но вечеромъ, часу въ шестомъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, толпа рабочихъ въ нѣсколько тысячъ заняла всю Никольскую улицу, собралась передъ зданіемъ главной конторы, гдѣ въ то время было начальство и гдѣ также содержались арестованные. Все ближе и ближе подвигаясь къ этому зданію, рабочіе кричали и требовали выдачи арестованныхъ, въ особенности освобожденія „Васьки — нашего человѣка“. Несмотря на присутствіе войскъ, рабочіе не отступали и продолжали требовать освобожденія товарищей. Тогда губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе оттѣснить рабочихъ военной силой. Казаки бросились на рабочихъ, пустили въ дѣло нагайки и устроили страшное побоище. Рабочіе защищались камнями, но противъ вооруженной силы не могли устоять. Волненія и стычки съ войсками возобновились и *на слѣдующій день.* Тогда губернаторъ распоря-
дился арестовать наиболѣе энергичныхъ рабочихъ
и выслать ихъ на родину: болѣе 600 чел. было

арестовано и отправлено подъ конвоемъ на родину черезъ Москву и Владиміръ.

Эта высылка положила конецъ волненіямъ: съ 14-го января фабрика пошла, хотя первое время работало только 800 чел. вмѣсто 8000.

Такъ кончилась знаменитая морозовская стачка.

Чего же добились морозовскіе рабочіе? Неужели такая смѣлая и энергичная борьба не принесла никакихъ выгодъ для рабочихъ? Нѣтъ, выгоды были громадны. Не только въ м. Никольскомъ и селѣ Зуевѣ, но и въ окрестности старые безобразные порядки смѣнились новыми, болѣе человѣческими. Фабриканты, боясь погромовъ, пошли на уступки; они поняли, что до конца обирать рабочихъ и издѣваться надъ ними — нельзя. Мало того, само правительство, всегда защищающее интересы фабрикантовъ, должно было сдѣлать кое-что и для рабочихъ.

Но послушаемъ сначала, какъ судили морозовскихъ рабочихъ. Всѣхъ обвиняемыхъ раздѣлили на двѣ части. Одну партію въ 19 чел. обвиняли въ буйствѣ и стачкѣ (ст. 37 и 38 Устава о наказаніяхъ и 1358 Уложенія о наказаніяхъ); дѣло о нихъ разсматривалось во Влад. Окружномъ Судѣ 7-го февраля безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и вотъ какой объявленъ былъ приговоръ: Максимъ Васильевъ и Елизаровъ признаны невиновными; Мосеенокъ, Волковъ и Шелухинъ приговорены подъ арестъ на три мѣсяца; Ѳедоръ Козловъ и Титовъ на два мѣсяца; Яковлевъ, Чугуновъ, Михаилъ Козловъ, Куракинъ, Кузнецовъ, Н

кифоровъ, Ходковъ, Холконовъ и Спиридоновъ — на одинъ мѣс.; Даниловъ и Зубрихинъ — на двѣ недѣли; Леонтій Васильевъ — на 10 дней. Нѣкоторые изъ этихъ 19 рабочихъ и еще другіе, всего въ количествѣ 33 чел., составляли вторую партію и обвинялись уже въ болѣе важныхъ дѣлахъ, а именно, они обвинялись въ подстрекательствѣ толпы къ нападенію на военный караулъ для освобожденія арестованныхъ и въ приведеніи этого намѣренія въ исполненіе; обвинялись въ разрушеніи фабричныхъ и другихъ жилыхъ зданій, въ разграбленіи и порчѣ имуществъ и т. д. (ст. 308, 1621, 1637 и 286 Уложенія о наказ.). Однимъ словомъ, прокуроръ и другое начальство не въ мѣру поусердствовали: они обвиняли рабочихъ во многомъ такомъ, чего и не было въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ было разрушено во время стачки хоть одно фабричное зданіе или жилой домъ? По приведеннымъ выше статьямъ рабочимъ грозило лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу на время отъ 15 до 20 лѣтъ, но къ счастью рабочихъ, дѣло разсматривалось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ числѣ 12 присяжныхъ засѣдателей, которые судили морозовскихъ рабочихъ, не было ни фабрикантовъ, ни вообще богатыхъ людей, а потому можно было смѣло разсчитывать, что присяжные по совѣсти рѣшатъ это дѣло. Къ тому же защитникомъ рабочихъ выступилъ на судѣ хорошій адвокатъ — Шубинскій. Мосеенокъ, Волковъ и Яковлевъ все время содержались въ тюрьмѣ; значитъ

въ ожиданіи суда они высидѣли 1 годъ и 4 мѣс. (съ января 1885 г. по май 1886 г.). Адвокатъ Шубинскій произнесъ въ защиту рабочихъ блестящую рѣчь. Онъ разсказалъ о тѣхъ безчеловѣчныхъ порядкахъ, которые скрывались отъ глазъ постороннихъ за высокими каменными стѣнами и желѣзными рѣшетками фабричныхъ корпусовъ. Изъ рабочихъ пили кровь, говорилъ Шубинскій, долго рабочіе терпѣли, а потомъ не вынесли и поднялись. Неужели ихъ можно осудить за это? „Чѣмъ-то совсѣмъ забытымъ, говорилъ Шубинскій дальше, является тамъ (на фабрикѣ Морозова) великая мысль о народномъ благѣ. Вы, присяжные засѣдатели, напомните о ней людямъ, забывшимъ ее, своимъ оправдательнымъ приговоромъ, и тѣмъ безвозвратно осудите порядки, доведшіе рабочихъ до волненій. Вы скажете всей Россіи, что истинными виновниками январскихъ волненій должны считаться не рабочіе, а тѣ, кто забылъ, что и рабочіе также люди съ правами если не на всѣ блага жизни, то на одно священное и безспорное между ними — на сколько-нибудь сносное человѣческое существованіе.“

„Нѣтъ, рабочіе не виновны“, отвѣтили присяжные засѣдатели, и этимъ приговоромъ осудили Морозова, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ фабрикантовъ, пьющихъ кровь изъ рабочихъ. Такого приговора не ожидали ни фабриканты, ни правительство. По закону, подсудимыхъ, признанныхъ невиновными, слѣдуетъ тотчасъ освободить, если они содержались до того времени подъ стражей.

довательно, всѣхъ рабочихъ нужно было отпустить, ибо наказаніе, наложенное по приговору отъ 7-го февраля, они уже отбыли. Но этого не случилось. Правительство попрало ногами и законъ, и рѣшеніе суда: тутъ же, въ залѣ Окружного Суда, жандармы арестовали Мосеенко и Волкова, а затѣмъ административнымъ порядкомъ (т. е. безъ суда) сослало ихъ въ Архангельскую губ. Слишкомъ опаснымъ казалось оставлять на свободѣ такихъ смѣлыхъ, честныхъ, преданныхъ рабочему дѣлу людей, каковы были Мосеенокъ и Волковъ.

Загляните теперь въ ту тетрадь, которую передалъ В. С. Волковъ прокурору Окружного Суда у переѣзда желѣзной дороги. Какъ помните, въ этой тетради были изложены требованія рабочихъ. Они требовали: 1) чтобы имъ былъ возвращенъ штрафъ съ Пасхи 1884 г., а удержано не болѣе 5 коп. съ заработаннаго рубля; 2) чтобы были введены расцѣнки, бывшія въ 1881 и 1882 гг., такъ какъ нынѣшнія цѣны не даютъ возможности содержать семью и уплачивать казенныя и другія повинности; 3) чтобы увольняемыхъ теперь рабочихъ удовлетворили по Пасху 1885 г.; 4) чтобы штрафы никогда не превышали 5 коп. съ заработаннаго рубля, при чемъ рабочій не долженъ подвергаться штрафу болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ и долженъ быть предупрежденъ о штрафѣ за плохую работу; 5) чтобы вычеты за прогулъ ни когда не превышали 1 руб. за день, и чтобы хозяинъ самъ платилъ за прогульные по его вине дни (простой, переѣлка машинъ и т. д.), при

каждый прогульный часъ долженъ записываться въ разсчетную книжку рабочаго; 6) чтобы условія найма были опредѣлены въ законѣ; 7) чтобы хозяинъ предупреждалъ рабочаго о разсчетѣ за 15 дней, причемъ и рабочій можетъ увольняться съ фабрики, предупредивъ хозяина за 15 дней; 8) чтобы доброкачественность товара устанавливалась путемъ предъявленія его свидѣтелямъ изъ рабочихъ, о чемъ должно быть записано въ товаропріемную книгу; 9) чтобы записывались лишніе аршины, чтобы вѣсъ и плотность товара соотвѣтствовали расцѣнкамъ; 10) чтобы при введеніи новыхъ сортовъ товара было дано рабочимъ время освоиться съ товаромъ и выяснить цѣну его; 11) чтобы былъ учрежденъ Государственный контроль надъ заработной платой; 12) чтобы хозяинъ за каждый прогульный по его винѣ день платилъ 40 коп.; 13) чтобы заработокъ не удерживался самовольно хозяиномъ; 14) чтобы дачка (плата) выдавалась не позже 15-го числа каждаго мѣсяца или въ первую субботу послѣ 15-го числа; 15) чтобы старосты свободно выбирались рабочими; 16) чтобы всѣ служащіе и рабочіе, непріятные забастовщикамъ, были уволены.

Таковы были требованія, предъявленныя морозовскими рабочими 11-го января 1885 г., а 3-го іюня 1886 г. правительство издало новый законъ о штрафахъ. Посмотримъ, что написано въ этомъ законѣ. (Этотъ законъ вошелъ въ Уст. о промышл. т. 12, ч. 2 Св. Зак.) и какую связь имѣло изда этого закона съ морозовской стачкой.

Ст. 145: „Для рабочихъ, получающихъ задѣльную плату, взысканіе за прогулъ опредѣляется въ размѣрѣ не свыше 1 руб. за прогульный день". Вы видите изъ этой статьи, что правительство удовлетворило одно изъ требованій (5-ое) морозов. рабочихъ. Теперь фабрикантъ уже не смѣетъ взыскать болѣе 1 руб. за прогульный день съ рабочаго, получающаго сдѣльную плату. — Почитаемъ другія статьи этого закона.

Ст. 95 закона почти дословно повторяетъ 7-ое требованіе рабочихъ; она говоритъ: „При наймѣ на срокъ неопредѣленный каждая изъ договаривающихся сторонъ можетъ отказаться отъ договора, предупредивъ другую сторону о своемъ намѣреніи за двѣ недѣли".

Ст. 97: „Выдача заработной платы должна производиться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца и не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на срокъ неопредѣленный".

Ст. 98. „Рабочій, не получившій въ срокъ причитающейся ему платы, имѣетъ право требовать, чтобы ему было присуждено особое вознагражденіе въ размѣрѣ двухъ-мѣсячнаго заработка при срочномъ договорѣ, а при договорѣ на срокъ неопредѣленный — въ размѣрѣ двухъ-недѣльнаго заработка". Вы видите, что приведенныя двѣ статьи представляютъ изъ себя удовлетвореніе 13-го и *14-го требованій* рабочихъ.

Но самое важное постановленіе въ законѣ 3-го *іюня 1886 года состоитъ* въ томъ, что по этому

закону штрафы съ рабочихъ идутъ только на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ (ст. 152), а не въ карманъ фабрикантовъ, причемъ указаны случаи, когда рабочій подвергается штрафу. Ранѣе, до изданія этого закона, штрафы были доходной статьей фабриканта; ему было выгодно штрафовать рабочихъ, а теперь такой выгоды нѣтъ. (См. ст. Дементьева о русскихъ фабричныхъ законахъ.) Только благодаря этому закону въ настоящее время рабочихъ менѣе донимаютъ штрафами. Фабричный инспекторъ Владимірской губ. въ своей книгѣ („Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3-го іюня 1886 г. на фабрикахъ Владимірской губ.“) на стр. 102-й утверждаетъ, что въ одной Владимірской губерніи втеченіе перваго года послѣ изданія закона о штрафахъ, штрафы уменьшились почти на двѣсти тысячъ рублей. Тотъ же фабричный инспекторъ заявляетъ, что законъ о штрафахъ „вызвалъ цѣлую бурю негодованія со стороны фабрикантовъ, которые никакъ не соглашались отказаться отъ своего права накладывать на рабочаго произвольные штрафы и обращать взысканныя деньги въ свою пользу“, а потому фабриканты стремились „истолковать законъ въ свою пользу, извративъ смыслъ отдѣльныхъ его частей“. Конечно, фабриканты ухитряются обходить этотъ законъ и донимать рабочихъ вычетами изъ заработной платы, назначая другую цѣну за *дурно сработанный* по ихъ мнѣнію матеріалъ. *Но какъ бы* то ни было, законъ связалъ ру *фабрикантамъ*, не давая имъ возможности т

безобразно обирать рабочихъ, какъ они это дѣлали до сихъ поръ. Изданіемъ такого закона русскіе рабочіе, конечно, всецѣло обязаны не попечительному начальству и не правительству, а своимъ же товарищамъ — морозовскимъ рабочимъ. Только благодаря ихъ дружному и настойчивому отпору, правительство пошло на уступки, подъ угрозой бурныхъ рабочихъ возстаній, понявъ, что безъ этого не обойтись, что безобразныя и безчеловѣчныя условія жизни рабочихъ должны быть смягчены. Жить такъ дальше не хватало терпѣнія и силъ, несмотря на все смиреніе и христіанское воздержаніе рабочихъ, принужденныхъ довольствоваться десятирублевымъ заработкомъ, душной конурой, скверной пищей и одеждой. Плотина грозила прорваться и нарушить безмятежное спокойствіе гг. фабрикантовъ. Необходимо было сдѣлать, уступки и вотъ является законъ 3-го іюня 1886 г. Само собою разумѣется, что уступки были скупы, что хотя и вынуждены были исполнить нѣкоторыя требованія, выставленныя морозовскими рабочими, но все-таки не забывали и карманы капиталистовъ (см. объ этомъ книжку „Объясненіе закона о штрафахъ“). Но очень важно то, что сдѣланы были первые шаги для обузданія хозяйскаго апетита, и рабочіе могли убѣдиться, что не даромъ они выдержали упорную борьбу, поняли, что только благодаря этой борьбѣ захлопотало, засуетилось правительство и издало новый законъ. Все русское фабричное законодательство, по словамъ одного фабричнаго инспектора, явилось благодаря

лишь тому, что рабочіе стали громко заявлять о своихъ нуждахъ и страданіяхъ, неслышныхъ за грохотомъ колесъ и машинъ, невидимыхъ за каменными стѣнами фабрикъ. И чѣмъ громче будетъ раздаваться голосъ рабочихъ, чѣмъ чаще они будутъ заявлять о себѣ, тѣмъ скорѣе добьются они улучшенія своего положенія.

Въ настоящее время русскіе рабочіе должны выставить слѣдующія требованія:

1) Рабочій день не долженъ быть дольше десяти часовъ, а затѣмъ постепенно онъ долженъ будетъ уменьшиться до восьми часовъ. Болѣе короткій рабочій день не будетъ такъ губительно, какъ теперь, отзываться на здоровьи рабочихъ и дастъ имъ возможность позаботиться о своемъ умственномъ развитіи.

2) На случай увѣчья, болѣзни и старости всѣ рабочіе должны быть застрахованы, причемъ страховую премію (такъ называется ежегодный взносъ за право участія въ страхованіи) должны уплачивать хозяева.

Врагъ силенъ и туго идетъ на уступки, но онъ долженъ ихъ дѣлать ради сохраненія своего собственнаго существованія. И тогда, шагъ за шагомъ, медленно, но вѣрно будутъ завоевывать себѣ рабочіе лучшія условія жизни. Борьба идетъ и будетъ идти упорная и живая, но она сослужитъ великую службу для рабочаго люда. Только въ борьбѣ онъ понимаетъ, какъ одинаковы интересы всѣхъ рабочихъ, и какъ противоположны интересы капиталистовъ и рабочихъ; только борьба до

сознаніе своей силы и единства, только борьба создаетъ организацію рабочихъ. Надо помнить, что безъ борьбы ни правительство, ни фабриканты не сдѣлаютъ ни одной уступки, какъ ни увѣряй они въ своей заботливости и дружелюбіи къ рабочимъ.

Нѣтъ, не можетъ быть никакого добраго согласія и мира между рабочими и фабрикантами! Имъ нужны „руки“, а до людей нѣтъ дѣла. И когда отказываются работать на нихъ эти „руки“, измученныя безчеловѣчнымъ трудомъ и нищенской жизнью, — они приходятъ въ удивленіе, въ негодованіе, они возмущаются „неблагодарностью“ рабочихъ, которымъ „они же даютъ хлѣбъ“ и которые осмѣливаются заявлять свое недовольство. „Чего имъ нужно еще, къ чему имъ большій заработокъ, они привыкли къ скотской жизни, и все равно пропьютъ лишній заработанный рубль. Пусть же этотъ рубль пойдетъ въ карманъ мнѣ. Я, по крайней мѣрѣ, употреблю его на болѣе тонкія удовольствія“. Чего же могутъ ждать рабочіе отъ такихъ господъ? Рабочіе сами должны завоевывать себѣ мало по малу долю на жизненномъ пиру, съ котораго имъ до сихъ поръ попадаютъ одни объѣдки, да и то хорошо, если попадаютъ. Не за эти-ли объѣдки надо отвѣшивать низкій поклонъ господамъ фабрикантамъ? Не за эти-ли объѣдки рабочій долженъ продавать себя, жену и дѣтей въ тяжкое рабство фабриканту и влачить безрадостную, безпросвѣтную жизнь. Вѣчный трудъ, вѣчная бѣдность, вѣчный страхъ за завтрашній день! Вотъ въ чемъ жизнь рабочаго. А въ утѣшеніе

онъ слышитъ лишь назидательныя слова своихъ попечителей. „Терпи и работай, Богъ труды любитъ“, „воздержаніе есть лучшая добродѣтель и украшеніе человѣка“, и другія хорошія изреченія, которыми такъ любятъ угощать голодныхъ бѣдняковъ, благо, что такія угощенія ничего не стоятъ. Нѣтъ, горькимъ опытомъ должны убѣдиться рабочіе, что отъ ихъ терпѣнія только растутъ карманы хозяевъ, а отъ чрезмѣрнаго воздержанія они и дѣти ихъ преждевременно сходятъ въ могилу. Они должны помнить, что только идя по слѣдамъ своихъ товарищей, морозовскихъ рабочихъ, спасутъ они себя и дѣтей своихъ отъ вырожденія и смерти.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ*).

Реакціонный публицистъ Катковъ, написавшій громовую статью по поводу суда надъ морозовскими стачечниками, назвалъ ихъ процессъ торжественнымъ вступленіемъ РАБОЧАГО ВОПРОСА на русскую почву. Мы всегда отстаивали интересы нашей промышленности, говорилъ онъ въ той же статьѣ, но если ея существованіе неразрывно связано съ такими вещами, то ужь лучше обходиться безъ промышленности**).

Недобрый человѣкъ былъ Катковъ, и если заслужилъ отъ кого-нибудь памятника, который собираются ставить ему на Страстномъ бульварѣ, то единственно отъ жандармовъ и чиновъ тайной полиціи, такъ какъ всегда дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы задавать имъ какъ можно больше работы, а слѣдовательно, и возможности получать побольше наградныхъ къ праздникамъ. Недобрый былъ онъ человѣкъ и не добра желалъ онъ русскому народу, но все же въ этомъ случаѣ не того онъ опасался, что рабочіе добьются уменьшенія штрафовъ и вообще улучшатъ свое положеніе. Не убытки фабрикантовъ его пугали и не безпорядки

*) *По независящимъ отъ автора настоящей брошюры обстоятельствамъ, это заключеніе написано не имъ, а В. И. Засулич.*

**) *У насъ нѣтъ подъ руками номера „Моск. Вѣд“, гдѣ была напечатана эта статья, но мы ручаемся за вѣрную передачу смысла.*

сами по себѣ, — при еврейскихъ погромахъ безпорядковъ было несравненно больше, да и на фабрикахъ уже раньше случались и стачки, и безпорядки, оставлявшіе его спокойнымъ.

Умный, проницательный врагъ всякой свободы и горячій сторонникъ самодержавія, Катковъ испугался всего того, что придавало подробностямъ этой стачки культурный, европейскій характеръ: знанія и единства, внесенныхъ въ дѣйствія рабочихъ Мосеенко и Волковымъ, подробности котораго печатались во всѣхъ газетахъ, а главное, приговора присяжныхъ, которые оправдали рабочихъ, осудили тѣмъ самымъ не только фабриканта и ставшаго на его сторону губернатора, но даже заранѣе — осудили и арестъ оправданныхъ Мосеенко и Волкова. И Катковъ былъ правъ, опасаясь открытаго и безпристрастнаго судебнаго разбирательства всего касающагося до стачки. Такія разбирательства, публикуемыя потомъ во всѣхъ газетахъ, могли быть вредны самодержавію и полезны рабочимъ во многихъ отношеніяхъ. Они могли бы мало-по-малу исполнить для рабочихъ часть того дѣла, которое потомъ, цѣною столькихъ жертвъ, совершилъ „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, т. е. могли бы показать рабочимъ одинаковость ихъ положенія и интересовъ и помочь выработать, путемъ опыта, наилучшій пріемъ борьбы. Катковъ при этомъ всего больше опасался того, что революціонеры изъ образованной молодежи, *читая* о дружныхъ и энергическихъ усиі

яхъ рабочихъ защитить себя отъ притѣсненій фабрикантовъ и насилій полиціи, увидятъ въ нихъ своихъ естественныхъ союзниковъ и соединятся съ ними. Такимъ образомъ, разрозненныя стачки и безпорядки превратятся въ „рабочій вопросъ“, въ постоянно растущее, объединенное рабочее движеніе, которое, раньше или позже, приведетъ къ ненавистнымъ Каткову свободнымъ европейскимъ порядкамъ. Чѣмъ гласно судить рабочихъ, лучше уничтожить самую промышленность, закричалъ онъ въ своей газетѣ. Объ уничтоженіи промышленности онъ и самъ, конечно, не думалъ, но гласно судить рабочихъ за всякія дѣла, касающіяся стачекъ, съ тѣхъ поръ перестали.

Послѣ освобожденія крестьянъ наши суды были устроены по образцу европейскихъ и въ общемъ были хорошими, справедливыми судами. Но постепенно оказывалось, что при самодержавіи справедливый, гласный, равный для всѣхъ судъ годится не для всѣхъ дѣлъ и не для всѣхъ лицъ, что многихъ нельзя судить во всеуслышаніе, а нужно молча расправляться съ ними своими административными средствами. Нельзя судить писателей и издателей за непріятныя правительству статьи, а нужно безъ разговоровъ уничтожать газеты и журналы; нельзя судить соціалистовъ, потомъ нельзя стало судить и рабочихъ, сопротивляющихся фабрикантамъ. Въ концѣ концовъ, въ большинствѣ мѣстъ уничтожены мировые суды, которымъ слишкомъ часто приходилось разбирать

рѣшать по закону дѣла между господами и прислугой, между помѣщиками и ихъ батраками. Теперь на мѣстахъ мировыхъ судей сидятъ земскіе начальники, для которыхъ законъ не писанъ. Понемногу выяснилось для правительства, что сколько нибудь справедливо въ Россіи можно судить только воровъ и обыкновенныхъ убійцъ. Всѣ остальные оказывались не преступниками, а людьми, интересы которыхъ нарушаются существующими порядками, защищаемыми самодержавнымъ правительствомъ. Если этихъ людей судить по справедливости, то виноватымъ такъ или иначе окажется само же правительство. Послѣ суда надъ морозовскими стачечниками, къ числу людей, интересы которыхъ противоположны интересамъ самодержавнаго правительства, были причислены и фабричные рабочіе. Ихъ перестали гласно судить и начали молча расправляться съ ними, какъ съ врагами. Около того же времени запрещено также печатаніе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, разсказывавшихъ о тяжеломъ положеніи рабочихъ, и смѣщены тѣ инспектора, которые слишкомъ заботились о раскрытіи злоупотребленій фабрикантовъ.

Но правительство поняло, однако, что одной безсудности и безгласности все-таки мало для полнаго устраненія „рабочаго вопроса“. Къ этимъ всегдашнимъ своимъ средствамъ оно прибавило законъ 1886 г. Въ „отчетѣ Государственнаго Совѣта“ за 1886 г. прямо говорится, что слѣдствіе по дѣлу

волненіяхъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ Владимірской и Московской губерній раскрыло такія дурныя стороны нашихъ фабричныхъ порядковъ, которыя неизбѣжно вызываютъ со стороны рабочихъ постоянное недовольство, склонность къ стачкамъ и безпрядкамъ и „воспріимчивость къ преступнымъ ученіямъ, направленнымъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго порядка“, и что для устраненія всего этого въ будущемъ, необходимъ законъ, регулирующій взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими*).

Всѣ эти мѣры для изгнанія изъ Россіи „рабочаго вопроса“ на видъ какъ будто и помогли. Тѣмъ, кто не хотѣлъ слышать о тяжеломъ положеніи рабочихъ и объ ихъ волненіяхъ, можно стало не слышать. Подпольнымъ путемъ, правда, тѣ, кому это было интересно, узнавали, что то тутъ, то тамъ продолжались стачки и фабричные безпорядки, распространяясь и усиливаясь съ каждымъ годомъ, но гласныхъ слѣдствій о нихъ не производилось, въ газетахъ они едва упоминались, входить въ подробности было запрещено.

Зажавши ротъ всѣмъ, кто могъ бы говорить, а самому себѣ — уши, правительство надѣялось отмолчаться отъ „рабочаго вопроса“. А между тѣмъ, онъ дѣлалъ громадные успѣхи, приготовляясь къ новому, уже окончательному водворенію въ *русской землѣ*. Промышленность росла все быстрѣе,

*) *Эти отчеты не публикуются*, но ученымъ профессорамъ позволяютъ иногда въ нихъ заглядывать.

число рабочихъ увеличивалось, среди нихъ именно въ послѣдніе десять лѣтъ обнаружилось огромное желаніе знать, понимать, учиться во что бы то ни стало. Эта жажда знанія росла не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, откуда пополнялись ряды рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, за послѣдніе 5-6 лѣтъ, шла дѣятельная пропаганда: среди рабочихъ приготовлялись знающіе люди, „студенты“, какимъ былъ Мосеенокъ. До чего разрозся уже „рабочій вопросъ“, въ то время, когда его продолжали еще замалчивать, до чего необходимы стали рабочимъ гласность и объединеніе, показываетъ огромный, внезапный ростъ рабочаго движенія въ Петербургѣ за какой-нибудь одинъ годъ. Осенью 1895 года основался „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, и уже зимой „рабочій вопросъ“ стоялъ передъ правительствомъ во весь ростъ, а въ началѣ лѣта 1896 г. о русскомъ рабочемъ движеніи заговорилъ весь міръ.

И что же дѣлалъ вначалѣ этотъ „Союзъ борьбы“? Онъ записывалъ подъ диктовку рабочихъ всякія подробности злоупотребленій со стороны хозяевъ, всякія злыя хитрости и обманы насчетъ расцѣнокъ, вычетовъ, браковки, растягиванія безъ конца рабочаго дня, — печаталъ это все въ своихъ листкахъ и распространялъ среди рабочихъ, приглашая ихъ защищаться отъ такихъ фабричныхъ порядковъ, которыхъ не могъ бы не признать дурными и самъ Государственный Совѣтъ, какъ пр

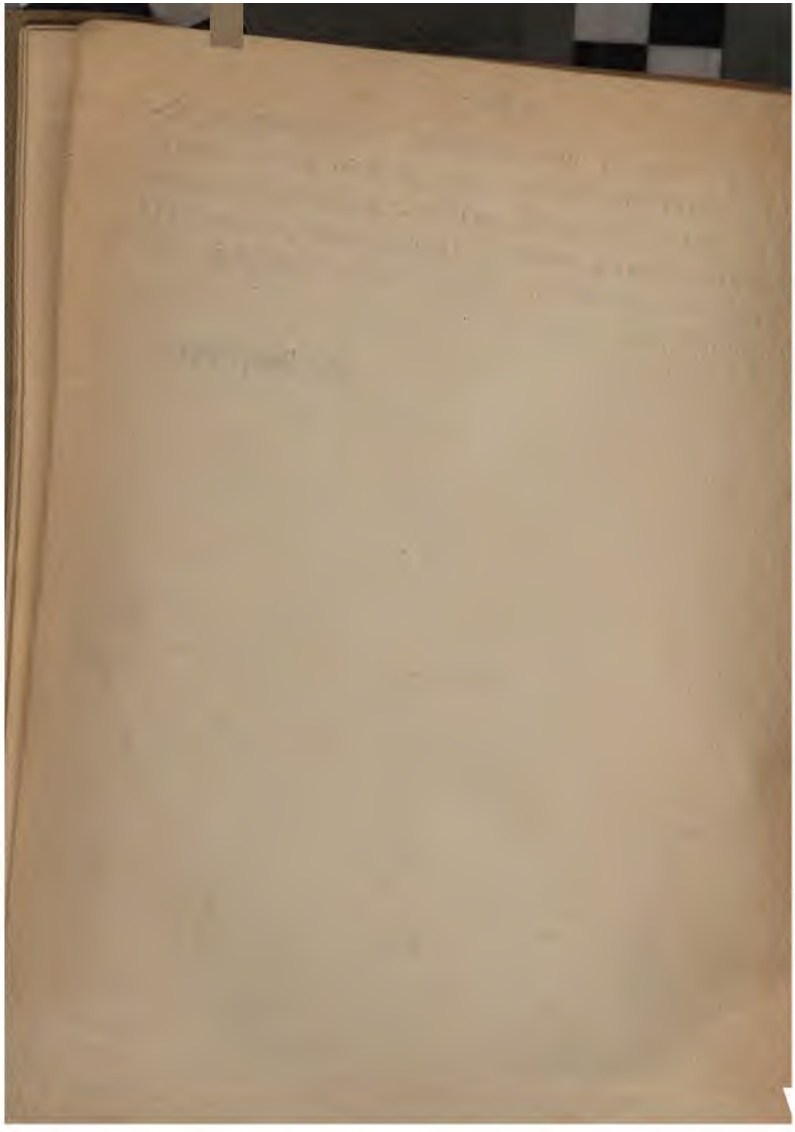
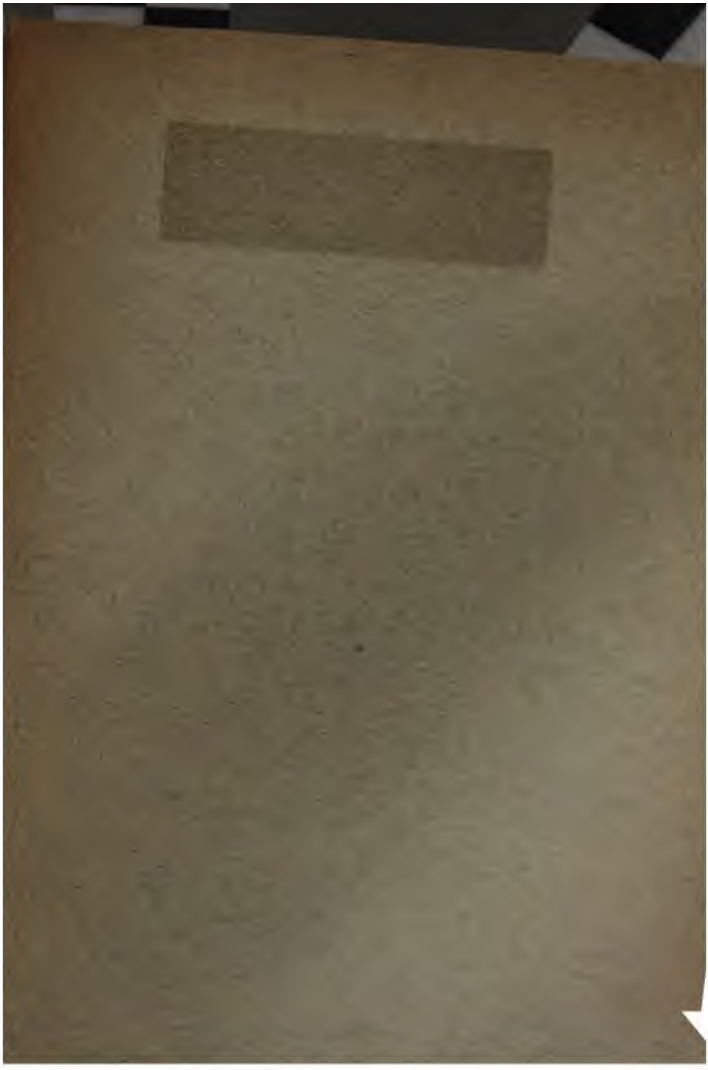
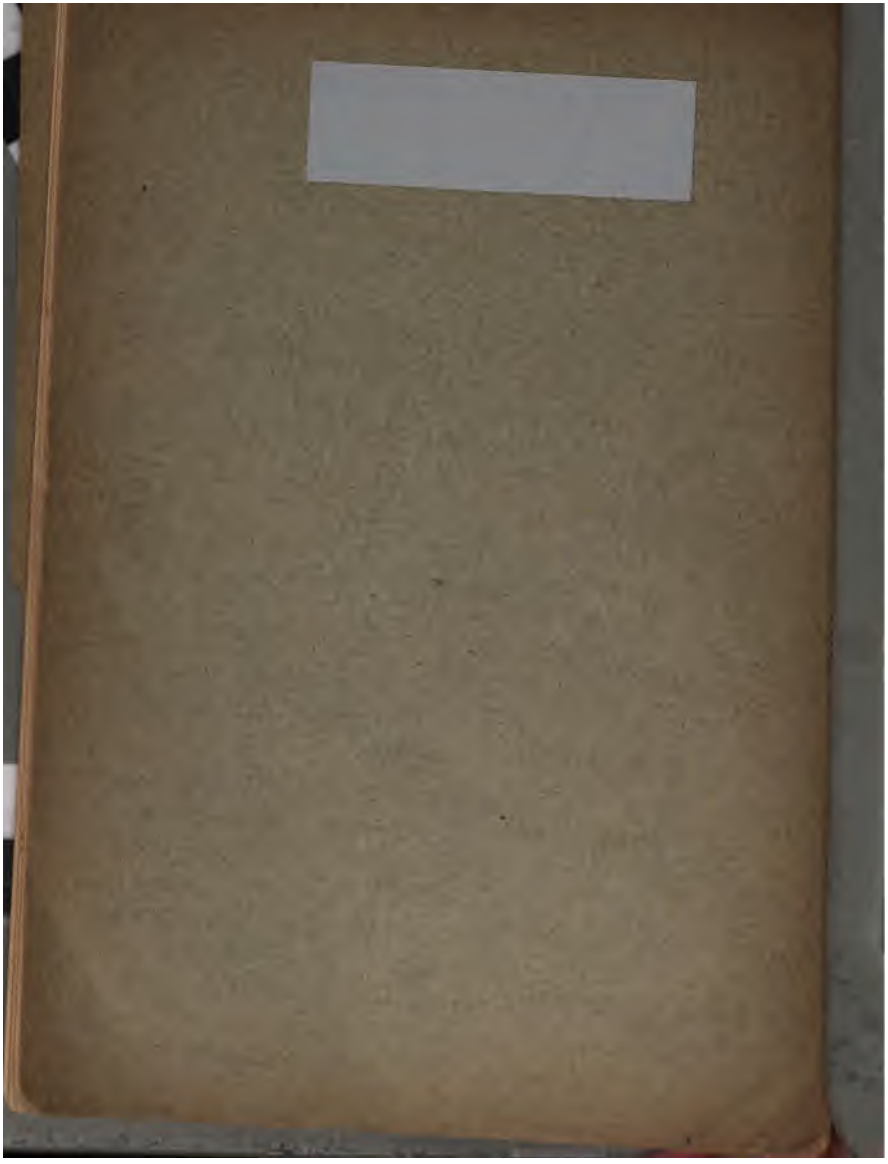
зналъ таковыми порядки, обнаруженные слѣдствіемъ по дѣлу о стачкѣ 1885 г. Кромѣ того, „Союзъ“ раскрывалъ нарушенія фабричныхъ порядковъ, случавшіяся даже на казенныхъ заводахъ, и тоже объявлялъ о нихъ въ листкахъ. Все это такія дѣла, которыя, при другомъ правительствѣ, дѣлались бы сами собою, посредствомъ газетъ и судовъ, а при существованіи открытыхъ, законныхъ союзовъ невозможны были бы ни нарушенія законовъ, ни злоупотребленія со стороны фабрикантовъ. У насъ дѣлать это необходимое, законное дѣло пришлось членамъ тайнаго общества, и правительство неустанно преслѣдовало ихъ, моря по тюрьмамъ и отправляя въ ссылку всѣхъ, кого заподозривало въ принадлежности къ „Союзу“.

Въ законъ 1886 г. цѣликомъ вошли, какъ мы знаемъ, нѣкоторыя изъ требованій морозовскихъ стачечниковъ. Можно сказать, слѣдовательно, что Моссенокъ съ товарищами помогали самому Государственному Совѣту въ его законодательной дѣятельности, и за это, какъ мы тоже знаемъ, были отправлены въ ссылку. Члены „Союза борьбы“ своими листками и послѣдовавшимъ объединеніемъ рабочихъ подготовили громадныя и дружныя петербургскія стачки, приведшія къ изданію закона, сокращающаго рабочій день (законъ 2-го іюня 1897 года). Они сдѣлали великое дѣло, полезное для рабочихъ всей Россіи. И само правительство, издавая законъ, признало, что дѣло было дѣйствительно полезное, но изъ тѣхъ, кто его дѣлалъ, оно аре-

стовало всѣхъ, кого только съумѣла схватить полиція. Иначе и не можетъ поступать самодержавное правительство. Тѣмъ-то оно и самодержавно, что издаетъ законы (а чаще всего дѣйствуетъ безъ законовъ) не по высказанному желанію населенія, какъ это дѣлается въ свободныхъ странахъ, а по собственному произволу. „Союзъ Борьбы“ помогъ рабочему населенію выяснить и высказать свои ближайшія требованія, а стачки вынудили хозяевъ и правительство исполнить нѣкоторыя изъ этихъ требованій. Правительство издало хорошій законъ, но тѣмъ самымъ нарушило свои самодержавныя правила. Въ этомъ виноваты члены „Союза“; тѣмъ самодержавнѣе надо поступить съ ними. Но это не все. Какіе бы хорошіе фабричные законы ни издавало правительство, они не помогутъ, если рабочіе не будутъ постоянно насторожѣ. Если бы рабочіе задремали, положившись на заботы правительства, хозяева придумали бы вмѣсто однихъ запрещенныхъ злоупотребленій сотни доугихъ. Нѣтъ конца краю хитростямъ, посредствомъ которыхъ можно обирать рабочихъ, если они не сопротивляются. А къ тому же нѣтъ такого закона, полезнаго для крестьянъ или рабочихъ, котораго сильнымъ міра сего нельзя было бы обойти въ нашей самодержавной, т. е. безсудной, безгласной и безправной странѣ. Уже для того одного, чтобы законы приносили пользу, рабочіе должны сохранить свои союзы и свои листки. Имъ необходимо объ-
единяться все шире и шире для отстаиванія своей

заработной платы, они сами чувствуютъ, наконецъ, что имъ нужно учиться, и не тому одному, что преподается въ казенныхъ школахъ Для всего этого рабочимъ нужна вѣрная служба преданныхъ товарищей. Все это могутъ хорошо исполнять только самые лучшіе, самые знающіе и самые смѣлые люди. Ихъ вѣрная служба товарищамъ необходима, но правительство будетъ ихъ наказывать за нее.

„Я за всѣхъ, или всѣ за меня?“ крикнулъ товарищамъ арестованный Волковъ. „Всѣ, всѣ!“ отвѣчали товарищи и старались исполнить свое обѣщаніе: ходили къ начальству, требовали, чтобы возвратили имъ „Ваську, — нашего человѣка“, но ничего не добились, и поплатился Васька за свою вѣрную службу. Сотни „своихъ людей“ платятся теперь за „всѣхъ“, за то, что помогли рабочему классу добиться сокращенія рабочаго дня, за то, что учили его тому, что сами узнали, за всякую другую, необходимую для рабочихъ службу. И нѣтъ того полезнаго трудящемуся люду дѣла, за которое не пропадалъ бы тотъ, кто его дѣлаетъ. Такъ будетъ и впредь, пока рабочій классъ не сдѣлается достаточно силенъ, чтобы не давать въ обиду своихъ вѣрныхъ товарищей, пока Россія не сдѣлается свободной страной. А пока этого нѣтъ, рабочіе должны всячески оберегать товарищей, дѣлающихъ необходимое для всѣхъ дѣло, всѣми силами помогать имъ, не забывать ихъ ни въ тюрьмахъ, ни въ ссылкѣ и всегда помнить, что уже

для того одного они должны объединиться, бороться, учиться, чтобы какъ можно скорѣе стать такою силой, которая властно потребуетъ освобожденія „своихъ людей“, „пропадающихъ за всѣхъ“ и уже не получитъ отказа, какъ получили его товарищи Волкова.

В. Засуличъ.